

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Українскій

Вѣстникъ

СОДЕРЖАНІЕ

Проф. *М. Грушевскій*. Единство или распаденіе?

Л. І. Голоса объ автономіи.

В. Доманицкій. Два момента.

М. Могилянскій. Аграрные процессы на Украинѣ.

Мв. Франко. Австрійскій кризисъ.

Д. Д. Украинская пресса.

Spectator. На Украинѣ.

Библиографія.

Объявленія.

Цѣна 20 коп.

№ 3

4 Юня 1906 г.

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсяннико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

4-го Іюня 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ
MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 3

Редакція № закончена 2 Іюня

Єднiсть або розпадєнє?

Представители разных партій и теченій нашей современной активной политики въ свои программы и платформы включают, или даже ставятъ во главу угла между прочимъ также принципъ „единой недѣлимой Россіи“. Предполагаю, что это дѣлается не страха ради іудейска и не для успокоенія боязливыхъ и косныхъ умовъ, смущаемыхъ толками о томъ, что принципы свободы влекутъ за собою распаденіе Россіи. Но если такая предпосылка дѣлается искренно и серьезно, если сохраненіе нынѣшняго государственнаго состава признается представителями разныхъ теченій и направленій желательнымъ или необходимымъ, то возникаетъ вопросъ, при какихъ условіяхъ возможно сохраненіе въ цѣлости и нераздѣльности государства такого пестраго и случайнаго состава, какъ Россійская имперія? Какимъ способомъ обезпечить ему единство и цѣлость, послѣ того, какъ всякая внутренняя связь его частей была вытравлена и разрушена даже тамъ, гдѣ она существовала.

Можетъ быть, впрочемъ, случайность этого состава не представляется такъ наглядно и ясно, какъ его пестрота, разнородность, разноплеменность, и моя мысль требуетъ нѣ котораго разъясненія.

Образованіе огромнаго комплекса земель, составляющаго нынѣшнюю Россійскую имперію, было результатомъ факторовъ географическихъ и этнографическихъ, экономическихъ и колонизаціонныхъ, династическихъ и политическихъ; даже

тамъ, гдѣ эти факторы въ отдѣльности дѣйствовали и развивались логически, послѣдовательно, ихъ комбинаціи и производное дѣйствіе перекрещиванія или сочетанія ихъ имѣло часто характеръ весьма случайный, даже съ точки зрѣнія самого государственнаго прогресса „собиравшаго“ ихъ Московскаго государства, а не только съ точки зрѣнія самихъ провинцій, тѣхъ территоріальныхъ или политическихъ тѣлъ, которыя захватывались и вводились, болѣе или менѣе насильственно, въ эту государственную связь.

Напомню лишь такіе факты, что Московское государство, выросши на территоріи волжско-окскаго бассейна, на великорусской почвѣ, считало себя, на основаніи династическихъ традицій, преемникомъ Кіевскаго государства, выросшаго въ экономическихъ условіяхъ днѣпровско-балтійскаго воднаго пути, на территоріи украинской; несмотря на все отличие экономическихъ, колонизаціонныхъ и этнографическихъ условій, московское правительство смотритъ на бывшія провинціи Кіевскаго государства, какъ на сферу своихъ интересовъ, ставитъ задачею своей политики собираніе этихъ „отчинъ“ своей династіи и дѣйствительно въ концѣ концовъ успѣваетъ собрать ихъ почти въ полномъ составѣ (за исключеніемъ Галичины). Включеніе земель литовскихъ и польскихъ было вызвано не какими либо реальными экономическими или политическими интересами Россійскаго государства, а явилось простымъ результатомъ соперничества за спорныя земли, за тѣ историческія „отчины“ московскихъ государей. Расширеніе государственной территоріи на востокъ и сѣверо-востокъ возникло изъ чисто наѣздническихъ авантюръ, въ стилѣ американскихъ конквистадоровъ, не преслѣдовавшихъ никакихъ болѣе глубокихъ цѣлей, кромѣ грабежа мирнаго туземнаго населенія подъ фирмою собиранія дани, и эти „колоніи“ включаются въ составъ государства только благодаря отсутствію какихъ либо рѣзкихъ естественныхъ границъ, по условіямъ сосѣдства и т. д.

Постоянное нарастаніе государственной территоріи развиваетъ съ теченіемъ времени экстенсивную энергію, стремящуюся далѣе двигать и непрерывно развивать процессъ расширенія. Увеличеніе государства становится изъ средства цѣлью государственной политики, преслѣдуется ради самого увеличенія, какъ своего рода государственный спортъ, какъ вопросъ чести и соперничества для отдѣльныхъ правителей. Вопросъ о расширеніи той или другой провинціи, о „присоединеніи“ той или другой народности или территоріи рѣшается не соображеніями о пользѣ и выгодахъ этой территоріи, и даже не объ экономическихъ или политическихъ выгодахъ, какія присоединеніе ея можетъ принести народамъ и областямъ уже входящимъ въ составъ государства: вопросъ рѣшается лишь наличностью силъ—сможетъ ли государство захватить и удержать новое приобрѣтеніе. Дальнѣйшее увеличеніе экстенсивной силы государства становится цѣлью государственной политики, а разные „государственные человѣки“ создаютъ свою карьеру и благополучіе, стараясь вовлечь правительство все въ новыя и новыя предпріятія,—на этомъ поприщѣ подвизались поколѣнія этихъ людей отъ разныхъ малоизвѣстныхъ пріискателей новыхъ „землицъ для великаго государя“, немилосердно грабившихъ эти земли въ свою пользу, до недавнихъ героевъ дальне-восточной авантюры.

Въ концѣ концовъ создалась огромная машина, которой громоздкость и пестрая нескладность не переставала приводить въ умиленіе „патріотовъ своего отечества“, съ гордостью указывавшихъ на то, что машина эта составляетъ шестую часть всей суши и по своему племенному составу далеко оставляетъ за собою вавилонское столпотвореніе. Поколѣнія воспитывались въ этой „народной гордости“ по казеннымъ учебникамъ, упоявшимъ ихъ мысли этими образами грандіозности Россіи, но забывавшимъ объяснить, какую пользу извлекаютъ изъ удовольствія принадлежать къ этому

„колоссу“ входящія въ его составъ народы и земли? Почему это „первое государство въ мірѣ“ является вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ бѣднымъ, самымъ необразованнымъ, самымъ неустроеннымъ государствомъ изъ всѣхъ „цивилизованныхъ странъ“, къ которымъ причислялась Россія? Почему даже земли, составившія ядро этого государства и призванныя въ качествѣ народности „собравшей“ и „создавшей“ его, къ роли народности „господствующей“, „государственной“, не могли при помощи этого „созданнаго“ ими государства выйти изъ состоянія безконечной приниженности и захуданія?

Государство „созидалось“ и „умножалось“ для государства, точнѣе—для правившей имъ бюрократической орды, но чувствовала ли себя какая нибудь изъ входившихъ въ его составъ народностей и провинцій, „княженій и царствъ“, удовлетворенной принадлежностью къ этому государству,—я не знаю. Говорить ли о Сибири — „золотомъ днѣ“ безграничнаго произвола и самовластія правительственныхъ агентовъ, большихъ и меньшихъ? Исторія ея „подъ владычествомъ Россіи“ представляетъ только одинъ ужасный мартирологъ грабежа и издѣвательствъ надъ беззащитнымъ населеніемъ; государство въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ не ставило по отношенію къ ней иныхъ цѣлей, кромѣ возможнаго извлеченія изъ нея всякаго рода богатствъ, а взамѣнъ высылало туда свои отбросы, своихъ „порочныхъ членовъ“, приводившихъ въ ужасъ мѣстное населеніе и ложившихся на него тяжелымъ бременемъ. А другія „княженія и царства“ были ли для государства чѣмъ нибудь большимъ, чѣмъ „источниками государственнаго казначейства“. Производительныя силы Польши не шли ли цѣликомъ на содержаніе армій, имѣвшихъ цѣлью внушать спасительный страхъ „кичливому ляху“, и легіона фискаловъ и шпионовъ, долженствовавшихъ вытравлять, парализовать всякое человѣческое чувство у покореннаго населенія? Украина, добровольно присоединившаяся къ Россіи, чтобы найти успокоеніе подъ покровительствомъ

„единовѣрнаго государя“, не забила ли чрезъ нѣсколько лѣтъ судорожно, какъ пойманная птица, почувствовавъ на себѣ руку развращеннаго и черстваго московскаго подъячаго? Она почувствовала, какъ щупальцы московскаго бюрократическаго спрута проникають внутрь ея, задерживая свободное развитіе, парализуя ея самоуправленіе и самоопредѣленіе, внося смуту и раздѣленіе. Въмѣсто облегченія и успокоенія пришлось наряду съ продолжавшейся борьбой съ фронта, обращеннаго къ Польшѣ, вести оборонительную борьбу съ притязаніями московской централизаціи, съ стремленіями московскаго правительства ограничить автономныя права Украины, ввести бюрократическое управленіе въ ея народоправную организацію, захватить ея доходы въ свои руки и ввести московское обложеніе, уничтожить автономный выборный церковный строй, подчинить московской цензурѣ ея духовную жизнь и т. д., и т. д. Этой борьбѣ на два фронта Украина не выдержала, подорванная въ самыхъ основаніяхъ своей народной жизни политикой московской бюрократіи, старавшейся всячески усилить рѣзнь между ея народными массами и руководящими кругами старшинъ и духовенства,—ея политическая жизнь пала, и за лишеніе автономіи она была вознаграждена крѣпостнымъ правомъ, паденіемъ народнаго образованія, цензурными гоненіями на украинскій языкъ, преслѣдованіемъ всякихъ проявленій національныхъ стремленій, доходившихъ до послѣднихъ крайностей, до полныхъ абсурдовъ.

„Княженія и народы“ влеклись, какъ закованные невольники, за триумфальной колесницей правящей бюрократіи, и толпа ихъ все увеличивалась къ удовольствію заказчиковъ одобренныхъ учебниковъ исторіи и географіи. Тюрма народовъ разрослась и расширяла свои помѣщенія, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армію на вербованныхъ изъ отбросовъ тѣхъ-же народовъ опричниковъ, охра-

нявшихъ камеры арестантовъ и разрабатывавшихъ все новые и новые проекты предупрежденія и пресѣченія.

Теперь, когда возставшій народъ разбиваетъ двери все-россійской бастиліи, тюремщики поднимаютъ крикъ, пугая народъ тѣмъ, что, въ случаѣ ея разрушенія, готовы разбѣжаться всѣ эти заключенные „хняженія и царства“, „покоренные народы“, и эти крики, дѣйствительно, вызываютъ извѣстное впечатлѣніе среди массъ, столько вѣковъ воспитанныхъ въ упоеніи своего „господства“. Представители „покоренныхъ народовъ“ отвѣчаютъ увѣреніями, что они вовсе не замышляютъ удирать изъ дома предварительнаго заключенія, въ которомъ содержались до сихъ поръ, и останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи,—и такія заявленія повторяются въ послѣднее время на разные лады, какъ со стороны угнетенныхъ народностей, такъ и сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества—что эти народности отнюдь не хотятъ выйти изъ состава Россійскаго государства и не выйдутъ, что они дорожатъ единствомъ Россіи и т. д.

Я думаю, однако, что эти увѣренія, въ какихъ бы сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ они не предлагались, не имѣютъ ни для кого особой убѣдительности. Во первыхъ, завѣренія отдѣльныхъ представителей не могутъ считаться за vox populi; во вторыхъ, увѣренія, хотя бы и клятвы на кандалахъ, которыя даются невольниками предъ выпускомъ ихъ на свободу, не внушаютъ никогда особаго довѣрія. Жизнь идетъ и развивается и своею стихійною силою беретъ верхъ надъ трактатами и формулами, будутъ ли они сочинены бюрократическими дипломатами или вождями, выдвигаемыми въ моменты народныхъ движеній. Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ, логическимъ завершеніемъ запросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорию и обладающей достаточными задатками

и энергією развитія. Если, во времена реакціи ходячимъ возрѣніемъ, отождествлявшимъ понятія націи и государства, представители не-государственныхъ народностей бывали часто склонны отрицать важное значеніе политической независимости для національнаго развитія, доказывая, что народность, лишенная самостоятельной государственности, можетъ такъ же хорошо развиваться, какъ и государственная, то эти взгляды, несомнѣнно, впадаютъ въ крайность и истина и тутъ лежитъ по срединѣ. Народность для своего развитія не нуждается непременно въ политической самостоятельности, но эта самостоятельность, при отсутствіи особенно неблагоприятныхъ условій (какъ, напр., изъ рукъ вонъ плохой государственной строй, неблагоприятное международное положеніе и т. п.), является наибольшою гарантією полного и нестѣсненнаго національнаго развитія, обезпеченіемъ отъ эксплуатаціи экономическихъ и культурныхъ силъ народности на чуждыя ей цѣли чужимъ государственнымъ строемъ и т. д. Въ виду этого отъ стремленій къ созданію собственнаго государства можетъ удержать только сознаніе выгодъ и удобствъ, какія даетъ принадлежность къ данному государственному союзу, отсутствіе въ немъ стѣсненій полному и всестороннему развитію національныхъ силъ, отсутствіе эксплуатаціи ихъ государствомъ въ чужихъ интересахъ или на цѣли непроизводительныя и т. д.

Говоря о выгодахъ, я оставляю въ сторонѣ тѣ, какія даетъ извѣстной народности ея привилегированное положеніе въ государствѣ и возможность подъ его покровомъ и защитой эксплуатировать для себя средства и силы другихъ народностей. Напр., венграмъ, вѣрнѣе—правлящимъ венгерскимъ классамъ, не выгодно разрывать совершенно связь съ Австріей, такъ какъ эта связь обезпечиваетъ имъ поддержку австрійской арміи и правительства для господства надъ невенгерскими народностями Венгрии; австрійскіе поляки должны дорожить Австріей, такъ какъ она обезпечиваетъ имъ го-

сподство надъ украинскимъ населеніемъ восточной Галиціи, и т. д. Въ свободномъ, благоустроенномъ государствѣ такія аномаліи невозможны. При разумной и благожелательной экономической политикѣ должны смягчиться также формы экономической эксплуатаціи однѣхъ областей другими, которую мы часто наблюдаемъ въ современныхъ государствахъ, гдѣ однѣ области развиваютъ свои экономическія силы за счетъ другихъ, являющихся въ концѣ концовъ батраками, работающими на своихъ, болѣе культурныхъ и экономически развитыхъ, сочленовъ; такъ, напр., въ той-же Австріи западныя провинціи—т. е. представители ихъ капиталистическаго и промышленнаго класса, держатъ въ положеніи пассивнаго рынка, *Hinretland*'а, провинціи восточныя, парализуя въ нихъ всякіе зачатки промышленности.

Но и независимо отъ такихъ выгодъ, проистекающихъ изъ недочетовъ строя современныхъ государствъ и ихъ управленія, принадлежность къ большому и хорошо организованному государственному союзу можетъ дать экономическому и культурному развитію народностей и областей, входящихъ въ его составъ, очень много выгодъ, не связанныхъ съ эксплуатаціей другихъ народностей и областей, какъ большій просторъ и свобода экономического обращенія, какъ созданіе болѣе крупныхъ и совершенныхъ просвѣтительныхъ и культурныхъ учреждений, какъ бѣлая обезпеченность отъ международныхъ осложненій и притѣсненій. Если при этомъ мирное развитіе областной и національной жизни, въ формѣ ли федераціи, или хорошо поставленной автономіи, гарантируется отъ стѣсненій и эксплуатаціи государствомъ или другими его областями, то народность или область, входящая въ составъ такого благоустроеннаго государственнаго союза, едва ли рискнетъ тѣми выгодами, которыми она пользуется, для достиженія полной государственной независимости. Даже такія удовольствія, какъ собственныя марки и деньги, собственный дворъ и армія, собственные жандармы и тюрьмы, вполнѣ

примиримы съ сохраненіемъ государственнаго единства; но менѣе прихотливое общество охотно лишаетъ себя этихъ изысканныхъ удовольствій, уступая ихъ за болѣе простую, но здоровую похлебку обезпеченія свободы культурнаго и общественнаго самоопредѣленія, нестѣсняемаго національнаго развитія, возможности свободно устраивать и распоряжаться своими мѣстными отношеніями и средствами, всего того, что даетъ ему федеративный или широко поставленный автономическій строй государства.

Такъ, въ Швейцаріи три отрѣзка сосѣднихъ національныхъ территорій — нѣмецкой, французской и итальянской — предпочитаютъ свое международное государство соединенію съ сосѣдними національными своими государствами. Они выше цѣнятъ свою федеративную жизнь въ государствѣ, оставляющемъ имъ всю широту самоопредѣленія и самоуправления и не эксплуатирующемъ ихъ средства на содержаніе армій и дворовъ, на чуждые ихъ интересамъ задачи имперіалистической или династической политики, и не чувствуютъ никакого влеченія къ милитарному и полицейскому строю Италіи или Германіи, къ централистическому устройству Франціи. Совершенно различныя по складу экономической и культурной жизни, традиціямъ, даже этнографическому составу, области Сѣверной Америки мирно уживаются благодаря широко проведенной областной федераціи, и тяготѣніе къ сожителству, сочетавшему единство государственной жизни съ широчайшимъ самоопредѣленіемъ областей, преодолѣло вѣковую рознь и антипатію южанъ и сѣверянъ, испанскаго юго-запада и пуританскаго сѣверо-востока. Широкой федеративный строй не препятствуетъ здѣсь развитію внутренней центростремительной силы, доходящей даже до такихъ крайностей, какъ имперіализмъ или лозунгъ: „Америка для американцевъ“.

Эти примѣры такъ прочно объединенныхъ въ своемъ федеративномъ строѣ государствъ должны успокоить людей,

озабоченныхъ сохраненіемъ единства Россіи и желающихъ сохранить его при перестройкѣ Россіи на новыхъ началахъ свободы и самоопредѣленія, вѣрнѣе—создать ей внутреннее единство, какого она не имѣла до сихъ поръ. Ихъ мы имѣемъ въ виду, а не ночныхъ птицъ, криками о распаденіи Россіи старающихся спугнуть русское общество съ пути освобожденія. Если разумѣть единство какъ внутреннюю, присущую самому составу государства силу тяготѣнія и сцѣпленія, то такого единства Россійская имперія, вѣдь, до сихъ поръ не имѣла: подневольное существованіе, охраняемое арміею штыковъ и нагаекъ, — какое же это единство! Даже тамъ, гдѣ была нѣкогда какая-либо внутренняя связь, внутреннее тяготѣніе, его разрушили до конца гнетъ и эксплуатація правящей бюрократіи. Тюрьма народовъ можетъ сохранить своихъ жильцовъ, лишь пока заперта и охраняется; въ ней нѣтъ добровольныхъ жильцовъ. Послѣ цѣлаго ряда вѣковъ подневольные члены Россійскаго государства лишь на нашихъ глазахъ почувствовали впервые внутреннее единство и общность интересовъ, и этимъ единствомъ было единство борьбы съ угнетавшимъ ихъ строемъ, гнѣвное движеніе противъ произвола и гнета, едино и нераздѣльно царившаго на пространствѣ „единого“ государства. Въ сознаніи возможности свергнуть это общее иго, разбить цѣпи, сковывавшія одинаково и „покоренные народы“ и разныя области и части государственнаго — великорусскаго народа, объединились въ одну армію ихъ представители и дружно пошли на общаго врага. Разойдется ли эта армія по окончаніи своего военнаго подвига или также дружно, общими силами, она поведетъ дѣло созиданія и благоустроенія своего союза для цѣлей мирнаго производительнаго труда—вотъ въ чемъ вопросъ дальнѣйшаго.

Кто скомандуетъ этой арміи борцовъ за свободу разоружиться и вернуться обратно въ свои камеры заключенія? Я не допускаю подозрѣній, чтобы вожди нынѣшняго осво-

бодительнаго движенія надѣялись, или намѣревались ограничиться только перемежною вывѣски на старой казармѣ, замѣнивъ централизмъ абсолютистическій централизмомъ конституціоннымъ, не допускаю не только потому, что считаю этихъ вождей неспособными на подобное предательство, но и потому, что считаю такіе планы совершенно безнадежными. Великая революція встрѣтила маленькаго капрала, умѣвшаго разоружить вооруженный народъ и возвратить его на службу буржуазіи; но понадобились бы, вѣроятно, цѣлые взводы такихъ капраловъ, которые умѣли бы привести возставшіе теперь народы и области Россіи подъ иго централизма. А маленькіе капралы приходятъ лишь изрѣдка и въ одиночку, и разсчитывать на цѣлый взводъ ихъ, конечно, невозможно.

Положеніе совершенно ясное, и также ясно и то, что тутъ нѣтъ мѣста для торговъ, компромиссовъ, дипломатическихъ уловокъ. Тотъ механической конгломератъ, лишенный всякаго внутренняго сцѣпленія и сдерживаемый лишь внѣшнею силою, какой представляла собою старая Россія, можно удержать въ единствѣ при подавленіи національной и областной жизни его составныхъ частей только системою принудительнаго подавленія, „предупрежденія пресѣченія“. Такая политика въ будущемъ потребовала бы чрезвычайнаго напряженія силъ „государственной народности“, отвлекла бы ея средства и силы отъ реальныхъ и позитивныхъ задачъ созидательной работы, исказила бы государственный строй и въ концѣ концовъ — окончилась бы полнымъ фіаско. Если, напр., Германія, при огромномъ преобладаніи нѣмецкаго элемента надъ инородными, имѣетъ возможность, хотя бы цѣною искаженія нормальнаго теченія государственной жизни и государственнаго строя, вести политику подавленія, „искорененія“ (ausrotten) польской народности, по крайней мѣрѣ до времени, то я рѣшительно не вижу, гдѣ та почва, та Архимедова точка, на которой

конституціонное правительство Россіи могло бы опереться въ стремленіяхъ централистическихъ, въ политикѣ подавленія національной и областной жизни. Великорусская народность составляетъ меньшую половину населенія имперіи, и среди нея самой нѣтъ общихъ стремленій къ централистическому единству, а, наоборотъ — совершенно ясно выступаютъ стремленія къ областной автономіи. Поэтому всякая попытка къ сохраненію централистическаго строя въ новой, обновляемой Россіи была бы покушеніемъ съ негодными средствами, съ точки зрѣнія сохраненія единства Россіи чрезвычайно вреднымъ, такъ какъ оно только усилило бы центробѣжную энергію ея. Стихійная сила стремленій къ полнотѣ національной жизни, къ мѣстному и національному самоопредѣленію все равно преодолѣла бы эти препятствія и въ своемъ размахѣ весьма легко могла бы привести къ полному распаденію нынѣшней Россіи.

Сохранить, или, вѣрнѣе—создать единство Россіи можно лишь путемъ развитія въ ней внутренняго тяготѣнія и сцѣпленія, а оно можетъ вырасти лишь изъ сознанія, что принадлежность къ государственному союзу даетъ слишкомъ осязательныя удобства, чтобы стоило рисковать ими и ставить на карту мирное теченіе жизни для осуществленія разрыва. Съ одной стороны—къ созданію такого тяготѣнія можетъ привести усиленная работа надъ улучшеніемъ государственнаго строя и хозяйства, его культурныхъ и экономическихъ средствъ и силъ; съ другой стороны—устраненіе всякой эксплуатаціи и подавленія мѣстной—областной и національной жизни интересами и жизнью государственной. Параллельную работу въ обоихъ этихъ направленіяхъ нужно повести немедленно. Одновременно съ усиліями, направленными на улучшеніе общаго строя, нужно немедленно вступить на путь созданія такихъ условій, которыя дали бы возможность нестѣсняемаго существованія и развитія національныхъ и областныхъ составныхъ частей государства, которыя превратили бы камеры

предварительнаго заключенія въ свободныя квартиры, въ которыхъ члены государственнаго союза чувствовали бы себя полноправными и свободными жильцами, а не подневольными узниками. Путь къ этому—это широкое проведеніе принципа національно-территоріальной и областнои автономіи и обезпеченія національныхъ правъ всѣхъ народностей на ихъ территорияхъ и внѣ ихъ. И въ проведеніи этихъ принциповъ залогъ сохраненія единства Россіи.

Проф. М. Грушевскій.
